ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

МАЙ, 1913 Г.

v. 34, no. 5

Основанъ А. С. Суворинымъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1913 г.

СТРАН.

I. Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть вторая. I—IV. (Продолженіе). **Ф. Е. Зарина-Несвицкаго.** 385

II. Быль минувшаго. V. (Продолженіе). **Маріи Ватаци, рожденной Мертваго.** 412

Иллюстрація: Порфирій Львовичъ Молоствовъ.

III. Современный бракъ. (Повѣсть). **Г. Т. Сѣверцева-Полилова.** . . 434

IV. Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ. (Продолженіе). **Е. К. Андреевскаго.** 467

V. Встрѣчи и знакомства. **А. И. Соколовой.** 511

VI. Весенняя идиллія. (Разсказъ). **О. А. Третейской.** 517

VII. Изъ прошлаго. (Семидесятники). **Е. Поливановой.** 545

VIII. Первыя скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. (По архивнымъ матеріаламъ). **А. И. Миловидова.** 557

Иллюстрація: Одна изъ польскихъ революціонныхъ афишъ.

IX. Рекогносцировка у Чурьяка. (Изъ воспоминаній). **Н. В. Чарыкова.** 570

X. Пріемъ смоленскимъ дворянствомъ наслѣдника Александра Николаевича. **И. Лесли.** 579

XI. Военно-бюрократическое мѣропріятіе ороографическаго характера. **Е. Смирнова.** 586

XII. Картофельный бунтъ. (Разсказъ покойной матери). **В. Кокосова.** 600

XIII. Тайное общество. Сообщилъ **К. И. Путилинъ.** 609

XIV. На богомольѣ. (Штрихи). **С. У—ца.** 616

XV. Памятники рода Романовыхъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. **И. С. Бѣляева.** 627

Иллюстраціи: 1) Московскій Новодѣвичій монастырь въ концѣ XVIII вѣка.—2) Древняя икона Иверской Божіей Матери, находящаяся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ.—3) Знамя царевны Софіи Алексѣевны.—4) Царица Евдокія Ѳеодоровна Лопухина.

XVI. Вотяки Малмыжскаго края. (Эскизный очеркъ). **В. Ярополова.** 640

Иллюстраціи: 1) Типы вотяковъ (село Селты).—2) Вареніе «кумышки».—3) Языческое моленіе семьи объ урожаѣ.—4) Мытье моговъ и бѣлья во время стеканія водъ отъ таянія снѣга.

XVII. Критика и библіографія. 657

1) А. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права. Кіевъ. 1912. Евгенія Пахорукова.—2) Е. Шмурло. Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Вып. I. (XVIII вѣкъ). Спб. 1912. К—шова.—3) 1812. Le comte Rostopchine et son temps. Par madame Narichkine née comtesse Rostopchine. St.-Petersburg. 1912. П. М.—4) В. Л. Модзалевскій. Малороссійскій родословникъ. Т. III. Л.—О. Съ 40 портретами. Кіевъ. 1912. В. Рудакова.—5) Очерки борьбы русскихъ съ черкесами. Вып. I. Историческіе очерки Ф. А. Щербины. Екатеринодаръ. 1912. Бор. Городецкаго.—6) Н. П. Волынскій. Постепенное развитіе русской регулярной кавалеріи въ эпоху Великаго Петра съ подробнымъ описаніемъ участія ея въ великой сѣверной войнѣ. Историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ. Вып. I. 1698—1706. Книга I. Вступленіе (1698—1700 г.г.). Ингерманландская операція

(См. слѣд. стран.).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Семидесятники).

I.

РЕЛИГІОЗНОЕ ороженіе, переживаемое многими въ современномъ обществѣ, оживляетъ въ памяти моей образы людей, стоявшихъ, по своимъ воззрѣніямъ, на рубежѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, т. е. жившихъ и дѣйствовавшихъ во время перваго поворота къ религіи послѣ отрицательнаго направленія шестидесятниковъ.

Вотъ изъ мрака сорокалѣтняго прошлаго выступаетъ предо мной красивая головка молодой дѣвушки съ темными кудрями и такими прекрасными, лучистыми и въ то же время задумчивыми глазами. Это Вѣра Граціанова, чистокровная дворянка по происхожденію, даже, кажется, дочь генерала. Въ нашемъ кружкѣ ее звали Вѣра Грація. Въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ вырвалась она изъ родного провинціальнаго гнѣзда ради новой жизни, ради того свѣтлаго зарева, въ которомъ представлялись ей столица и люди новаго направленія. Въ поискахъ живого, непосредственнаго дѣла, она покинула зажиточную семью отца (матери она лишилась еще въ дѣтствѣ) и вступила въ скудную жизнь догоравшей московской коммуны.

Полная энергіи и силъ, вся проникнутая убѣжденіемъ, что цѣль оправдываетъ средства, она готова была принести всю себя въ жертву ради обновленія міра; но уже не встрѣчала горячаго сочувствія къ

своимъ идеямъ въ окружающихъ и отовсюду уходила разочарованная.

Дѣло въ томъ, что пылъ и рвеніе шестидесятниковъ охладѣли, и ряды ихъ, послѣ каракозовскаго дѣла, значительно порѣдѣли. И на смѣну не являлось ни новыхъ людей, ни вновь выработанныхъ понятій. Откуда придетъ спасеніе—никто не зналъ, но меньше всего ждали его изъ Назарета, т. е. отъ религіи.

Многіе изъ передовыхъ людей того времени занялись исключительно наукой и философіей. Въ кружкѣ, образовывавшемся изъ остатковъ кокоревской коммуны, читали Герберта Спенсера, Огюста Конта, выписывали позитивный журналъ Литтре-Вырубова, переводили «для себя» статьи по исторіи матеріализма Ланге, а также и первоначальныя статьи Карла Маркса и научно готовились къ пониманію тезисовъ этого новаго для того времени толкователя капиталистическихъ доктринъ.

Я помню, что профессоръ Чупровъ, тогда еще совсѣмъ молодой и только что женившійся, проживалъ въ Кокоревкѣ и посѣщалъ иногда нашъ кружокъ. И хотя онъ выказалъ себя ярымъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія и артелей, но въ общемъ не сходился съ представителями кружка. А его молоденькая жена, такая свѣжая и бодрая, съ длинной бѣлокурой косой, вовсе не подходила къ захудалымъ, поломаннымъ жизнью, по-мужски остриженнымъ и по-мужски же трактующимъ обо всемъ женщинамъ кружка, среди которыхъ лишь одна Вѣра Грація сіяла красотой и неизжитыми силами молодости.

Помню одного совсѣмъ юнаго студента, который первый заявилъ у насъ о необходимости изученія исторіи и даже геологіи для правильнаго пониманія экономическихъ вопросовъ. Онъ хотя и не смѣло, но вполнѣ научно и талантливо излагалъ свои взгляды..

Это былъ Н. И. К—въ, впослѣдствіи популярный профессоръ и ученый, до старости сохранившій въ себѣ любовь къ наукѣ и высокую гуманность, унаслѣдованную имъ отъ шестидесятниковъ. Впрочемъ, въ нашемъ кружкѣ онъ только промелькнулъ блестящимъ метеоромъ и переселился въ Петербургъ.

Былъ у насъ еще одинъ ученый юноша, подававшій большія надежды. Константинъ Агринскій только что окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ и намѣревался поступить на историко-филологическій факультетъ, чтобы расширить кругъ своихъ познаній; но средствъ къ жизни у него не было—его съ трудомъ воспитала старушка-мать, бывшая актриса, на свою крошечную пенсію. Пришлось круглый годъ бѣгать по урокамъ. Онъ зарабатывалъ рублей 100 въ мѣсяцъ и цѣликомъ отдавалъ ихъ на сбереженіе матери, въ виду продолженія своей научной карьеры. Мать и сынъ жили душа въ душу, и все у нихъ шло по-хорошему; только небогатое здоровье юноши подтачивалось излишне-трудовой жизнью.

Агринскій и Вѣра Грація постоянно вели споры въ кружкѣ по вопросамъ философіи и нравственности. И кончили тѣмъ, что полюбили другъ друга, несмотря на всю разницу во взглядахъ.

— Мнѣ трудно окончательно уяснить себѣ, не представляютъ ли взгляды твои и твоихъ друзей:—все позволено ради цѣли,—прямой безнравственности? Я путаюсь въ этихъ вопросахъ, я выбитъ изъ колеи... И все-таки люблю тебя, со всей твоей безнравственностью, и буду любить до самой смерти!—говорилъ Агринскій.

— А я не могу понять, какъ можешь ты требовать какой-то архаической нравственности отъ насъ, отдавшихъ всю свою жизнь непосредственному дѣлу? Да и не говорилъ ли ты самъ, что мораль—вещь условная? Что нравственно у одного народа, считается безнравственнымъ у другого. Все это вещи давно извѣстныя, и смѣшно надъ ними задумываться, — возражала ему Вѣра Грація.

Въ любовномъ угарѣ, въ пылкихъ спорахъ и разговорахъ незамѣтно текло время. Но вотъ Вѣра почувствовала, что готовится быть матерью. Это обстоятельство страшно ее обезкуражило. Ей ли, общественной дѣятельницѣ, связывать себя ролью матери? Ей ли, готовой на міровую жертву, отдать свои силы на семейную жизнь?..

Да и кружокъ безъ нея непремѣнно распадется: и такъ уже мало осталось настоящихъ людей!

— При новомъ строѣ общества дѣти будутъ собственностью государства,—разсуждала одна изъ пожилыхъ подругъ Вѣры.— Отчего же не требовать, чтобы и теперь правительство содержало нашихъ дѣтей? Какъ оно будетъ содержать ихъ, это другой вопросъ. Мы хорошо знаемъ, что въ воспитательныхъ домахъ дѣти народа мрутъ, какъ мухи. И если наши «плоды любви» попадутъ въ ту же обстановку, то еще съ большимъ пыломъ будемъ мы стремиться къ намѣченной цѣли:- къ пересозданію общества.

И Вѣра рѣшила, что отдастъ свое дитя въ воспитательный домъ. Инстинктъ материнства еще дремалъ въ ея молодой душѣ. А ея возлюбленный не протестовалъ: у него не было денегъ на содержаніе ребенка, къ тому же онъ начиналъ чувствовать какое-то смертельное утомленіе жизнью.

Въ довольно комфортабельной, педантично-чистой секретной комнатѣ воспитательнаго дома, стоившей въ тѣ времена 30 рублей въ мѣсяцъ съ полнымъ содержаніемъ (слѣдовательно, приходившейся вполнѣ по средствамъ нашей молодежи), Вѣра разрѣшилась дѣвочкой. Тутъ, послѣ мучительныхъ родовъ, волна материнскихъ чувствъ впервые охватила ее. Съ восторгомъ и любовью смотрѣла она на свое дитя. Но въ тотъ день (по обычаю заведенія—четвертый), когда пришли взять ея ребенка, она уже не въ силахъ была заявить о своемъ желаніи оставить его у себя: родильная горячка, этотъ неумолимый бичъ старыхъ родильныхъ домовъ, держала ее въ безпамятствѣ.

Два знаменитыхъ акушера того времени, отживающій Кохъ и полный юныхъ силъ Снегиревъ, съ интересомъ слѣдили за ходомъ болѣзни молодой, симпатичной женщины, красивой даже въ своей борьбѣ со смертью. Благодаря ихъ стараніямъ, Вѣра выздоровѣла. Но въ ея сердцѣ точно что-то оборвалось. Воспоминаніе о покинутомъ ребенкѣ не уходило отъ нея, не давало ей покоя. Даже съ Агринскимъ она встрѣчалась неохотно и не находила, о чемъ говорить съ нимъ. Между ними точно стѣна выросла.

Чтобы съ головой окунуться въ общественное дѣло, забыться въ немъ, Вѣра присоединилась къ друзьямъ изъ кружка, ѣхавшимъ агитировать въ народъ. Предварительно заѣхали за совѣтомъ къ Шелгунову, въ его ссылку. Выслушали горячія рѣчи этого борца за великія идеи, противника «малыхъ дѣлъ», но никакихъ непосредственныхъ указаній отъ него не получили. И затѣмъ имъ пришлось испытать нѣчто въ родѣ того, что испыталъ герой тургеневской «Нови» Неждановъ. (Кстати скажу, что нападки на упомянутый романъ въ 70-хъ годахъ были сильны и основывались главнымъ образомъ на томъ, что многимъ изъ молодежи пришлось выпить чашу Неждановскаго разочарованія. Правда колола глаза, и не всѣ желали ея разоблаченія).

Исполненная критическаго отношенія къ друзьямъ и ихъ взглядамъ, вернулась Вѣра въ Москву послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія. Ей захотѣлось видѣть Костю Агринскаго, поговорить съ нимъ о только что пережитомъ... Теперь она терпѣливо будетъ слушать его и рѣшитъ, можетъ быть, эти проклятые вопросы въ его духѣ!

Прямо съ поѣзда она отправилась къ нему на квартиру. Дверь отворила ей мать Кости, такая удрученная, постарѣвшая...

— Мнѣ надо видѣть вашего сына,—робко сказала Вѣра, уже охваченная недобрымъ предчувствіемъ.

— Его нельзя больше видѣть... Вчера мы его похоронили. Онъ умеръ отъ скоротечной чахотки. Много работалъ и грустилъ по васъ,— какъ-то безучастно проговорила старушка, точно застывшая въ своемъ горѣ.

Глубока была печаль Вѣры. А эта старушка-мать, положившая всю жизнь на сына, служила какъ бы живымъ укоромъ ей, бросившей свое дитя!

Она отыскала клочокъ бумажки, когда-то сунутый ей въ карманъ сердобольной сидѣлкой: на немъ значился номеръ, подъ которымъ дѣвочку сдали въ воспитательное отдѣленіе. Она стала наводить справки и узнала, что дѣвочка отдана была на вскормленіе въ деревню и тамъ умерла.

Одиночество и сознаніе непоправимости сдѣланныхъ ошибокъ— вотъ все, что осталось теперь на ея долю... Девизъ «всѣ люди— братья» отошелъ куда-то вдаль и любить было некого.

Ей все не вѣрилось, что ея дѣвочка умерла. Она поѣхала въ ту деревню, куда ее отдали. Разыскала крестьянку, кормившую ея дитя, разспросила обо всемъ... Мимоходомъ увидала всѣ ужасы, претерпѣваемые питомцами въ деревняхъ. Убѣдилась, что цѣлаго моря слезъ мало, чтобы омыть преступность людскую относительно этихъ безвинныхъ страдальцевъ, и, еще болѣе истерзанная нравственно, возвратилась въ Москву.

I.I

Въ такомъ-то настроеніи встрѣтила Вѣра Грація на своемъ жизненномъ пути человѣка, который говорилъ о религіи, о «внутреннемъ сознаніи нашей связи съ безконечнымъ». Это былъ проповѣдникъ маликовскаго ученія, Василій Ивановичъ Ал—въ, извѣстный въ кружкахъ семидесятниковъ подъ именемъ брата Василія или «Иваныча». Высокій, худощавый блондинъ съ неправильными чертами лица, съ такъ называемыми тараканьими усиками и жидкой бородкой, онъ не выглядѣлъ красивымъ; но въ лицѣ его было что-то такое, привлекавшее больше красоты—то же, что и въ Л. Н. Толстомъ, хотя сходства между ними никакого не было. Привлекала къ нему и мягкость его обращенія. Онъ никого не осуждалъ, не винилъ, не выказывалъ ни предъ кѣмъ своего превосходства; со всѣми говорилъ съ добротой и мягкостью сердечной. Видно было, что горячее состраданіе къ людямъ наполняло его душу.

Вмѣстѣ съ Маликовымъ и его послѣдователями братъ Василій ѣздилъ въ Америку, изучалъ тамъ жизнь всевозможныхъ сектъ, даже шекэровъ и мормоновъ. Армія спасенія Бутса, тогда только что возникшая въ Англіи, была тоже знакома ему. «Въ какомъ бы положеніи ни находился человѣкъ, всегда достаточно идеала, даннаго Христомъ, чтобы получить указаніе, что должно и чего не должно совершать»—эти слова были однимъ изъ главныхъ основаній его проповѣди.

Изъ Америки онъ вернулся женатымъ на Лизѣ М., даровитой женщинѣ изъ русскаго простонародья, раньше слѣпо преданной Маликову. Съ нею вдвоемъ онъ отдѣлился отъ Маликова, «толкъ особенный отъ себя выдалъ», какъ говорятъ раскольники. «Не умалять себя ради общаго блага, но возвышать свою личность и всѣхъ до себя», убѣждалъ онъ отъ своихъ послѣдователей. «Каждая религія требуетъ жертвъ и налагаетъ отвѣтственность; но въ нашей новой, неформальной религіи дѣло идетъ не объ отмщеніи и сопротивленіи, а о совершенствованіи нашего духа, нашего внутренняго я».

Старательное изученіе евангелія, образъ Іисуса во всей его чистотѣ, непротивленіе злу, трудъ и отрицаніе ложной культуры,

недоступной большинству, покаяніе и исповѣдь—все это, что впослѣдствіи наполнило религіозныя сочиненія Л. Н. Толстого, все выслушивали и жадно воспринимали отъ брата Василія его послѣдователи. Молодежь семидесятыхъ годовъ извѣрилась во все старое и жаждала новаго слова; и взглядъ о непротивленіи злу, являвшійся реакціей противъ крайностей, выдвинутыхъ воинственнымъ движеніемъ шестидесятниковъ, увлекалъ ее.

Для больной души Вѣры Граціи это ученіе явилось настоящимъ откровеніемъ и цѣлебнымъ бальзамомъ. Въ старыя дѣла, въ прежніе тезисы она извѣрилась; а тутъ ей предлагалось хотя и съ дѣтства знакомое евангельское слово, но звучавшее совсѣмъ по иному. Ей, загрязненной практикой жизни и уже грѣшной до мозга костей, новый проповѣдникъ говорилъ:

— Всѣмъ намъ необходима честная и чистая вѣра—такая, какъ у простонародья. Эта вѣра пойдетъ впереди насъ, свѣтлая и торжествующая, соберетъ вокругъ себя разумныхъ и смѣлыхъ людей и выведетъ міръ на дорогу къ блаженству въ земной жизни.

— Но я не умѣю, не могу вѣрить, какъ простой народъ... А между тѣмъ всѣ мои ошибки, всѣ грѣхи моей юности терзаютъ мою совѣсть. Дайте мнѣ успокоеніе, дайте пониманіе вѣры, —возражала ему Вѣра Грація.

— Понять вѣру нельзя. Надо принять ее, какъ догматъ, и помнить, что вѣра—все.

— Тогда и обряды?..

— Да, нѣкоторые. Напримѣръ, покаяніе, такъ какъ въ немъ именно и заключается суть нашей религіи. Трудно каяться, трудно плакать слезами царя Давида, но какъ эти слезы очищаютъ совѣсть!

Новое ученіе наполнило всю жизнь Вѣры. Точно волна какая-то внезапно нахлынула на нее, подхватила и выбросила на берегъ. Что не все позволено и что за всякое уклоненіе отъ законовъ природы жестоко приходится платиться—этому жизнь уже научила ее. Но что покаяніе является спасеніемъ отъ бездны зла—объ этомъ она задумалась впервые.

Она уѣхала къ отцу и повела тихую провинціальную жизнь. Бывала въ церкви, соблюдала посты и думала про себя свою крѣпкую думу.

Вскорѣ ей сдѣлалъ вторичное предложеніе ея прежній женихъ, богатый и титулованный. Онъ зналъ и любилъ ее съ дѣтства и теперь снова увлекся все еще замѣчательной ея красотой. А она и раньше, живя въ кружкѣ, не прочь была выйти за него, чтобы его деньгами и вліяніемъ служить общему дѣлу. Теперь ея нравственный переворотъ не допускалъ такого лицемѣрія.

Наоборотъ, она взяла на себя тяжелый и неизбѣжный искусъ: покаяться во всемъ своему жениху. «Если послѣ всего, что я скажу ему, онъ возьметъ меня за себя, то, значитъ, я еще заслуживаю спо-

койной и счастливой жизни. А если нѣтъ—вся моя жизнь будетъ медленнымъ подвигомъ на пользу ближнимъ, хотя бы и въ области «малыхъ дѣлъ».

Выслушавъ признанія Вѣры, женихъ отказался отъ нея.

— Матерью моихъ дѣтей не можетъ быть женщина, бросившая своего ребенка,—съ горькой откровенностью сказалъ онъ ей.

Итакъ, покаяніе сразу открыло предъ ней новую дорогу, къ которой она и стремилась душевно: трудъ и служеніе страждущимъ.

Вѣра поступила на фельдшерскіе курсы и, по окончаніи ученья, уѣхала куда-то въ глушь земской фельдшерицей.

«Отдай душу ближнему своему и въ этомъ обрѣтешь счастье», сказалъ ей на прощанье братъ Василій.

Что касается его самого, то онъ еще довольно долго и успѣшно проводилъ свои религіозныя воззрѣнія въ кружкахъ семидесятниковъ. Его вліяніе осталось глубоко памятнымъ для многихъ моихъ друзей,

Затѣмъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Ч—кова онъ уѣхалъ въ Ясную Поляну къ Л. Н. Толстому и поселился у него въ качествѣ младшаго управляющаго или сельскаго учителя—не помню навѣрное. И писалъ намъ, что часто бесѣдуетъ съ великимъ писателемъ о вопросахъ религіи и духа; но что графиня недолюбливаетъ эти бесѣды, ей вообще не нравится горячее увлеченіе мужа религіозными вопросами. «А онъ такъ дивно воплощаетъ въ слова и образы истинное ученіе Христа!» сообщалъ намъ В. И.

Спустя нѣсколько лѣтъ, читая первыя произведенія Толстого религіознаго цикла, я нашла въ нихъ все то же, что въ проповѣдяхъ маликовцевъ и брата Василія. То же всецѣлостное обращеніе къ религіи, возстановленіе путемъ ея нравственности человѣка, та же постановка евангелія превыше всего, отрицаніе войны, суда надъ ближнимъ, непротивленіе злу насиліемъ.

Какъ чуткій художникъ, Л. Н. Толстой угадалъ ту жгучую боль, которая накопилась въ сердцахъ нашихъ интеллигентныхъ духоборовъ. Онъ не могъ пройти равнодушно мимо этихъ оригинальныхъ подвижниковъ. Онъ заинтересовался ихъ исканіемъ правды и воплотилъ въ художественное слово ихъ стремленія.

Но путь, по которому двинулись такъ называемые «толстовцы», не былъ имъ указанъ Толстымъ. Они избрали его самостоятельно. Земледѣльческая колонія въ Крыму, куда уѣхали многіе наши знакомцы (А. З. Зотовъ, О. Е. Суханова и др.), возникла раньше, чѣмъ Толстой принялся за религіозные вопросы. Не подражателями были эти люди, а смѣлыми піонерами, прилагавшими къ дѣлу свои излюбленныя идеи. Толстой постольку же создалъ «толстовцевъ», поскольку Тургеневъ—нигилистовъ. Типы послѣднихъ составляли наличный контингентъ въ обществѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ

въ семидесятыхъ составляли его интеллигентные духоборы, позже именуемые толстовцами.

Правда, типъ Базарова вызвалъ немало подражателей въ свое время. Но вѣдь нельзя же поэтому называть нигилистовъ «тургеневцами». Явились подражатели и религіозному Толстому; но духоборы, существовавшіе въ обществѣ еще до появленія ученія Толстого, пошли, большею частью, своимъ путемъ...

Человѣкъ стараго поколѣнія въ сравненіи съ нашими духоборами, Толстой сходился съ ними лишь въ исканіи правды на почвѣ религіи. И, наблюдая этотъ новый для него типъ подвижниковъ, онъ создалъ свои полныя силы, но парадоксальныя и не рѣшающія вопросовъ жизни произведенія.

Дальше общее между ними кончается. Толстой остался великимъ писателемъ и художникомъ, поучающимъ общество силою своего пера. А «взыскующіе града» духоборы, эти преображенные нигилисты, нашедшіе исходъ своимъ стремленіямъ въ религіи, трудѣ и общеніи съ народомъ, стали не въ шутку пахать землю. Но, какъ въ шестидесятыхъ годахъ они потерпѣли фіаско въ приложеніи соціальныхъ теорій, такъ и теперь, въ качествѣ піонеровъ земельнаго труда, не могли создать ничего прочнаго, не имѣя полной подготовки и приспособленности къ жизни «на землѣ».

III.

Перейду къ дальнѣйшей жизни брата Василія.

Уѣхавъ отъ Л. Н. Толстого, онъ поселился въ Самарской губерніи, гдѣ богатый землевладѣлецъ Сибиряковъ далъ ему пятнадцать десятинъ земли и полное крестьянское обзаведеніе.

На этой земелькѣ онъ сталъ работать самостоятельно и нерѣдко писалъ намъ восторженныя письма о своемъ трудѣ, о намѣреніи завести школу, о своихъ дѣтяхъ-мужичонкахъ. Любовью къ семьѣ и дѣлу дышали его письма.

Затѣмъ переписка наша оборвалась на нѣсколько лѣтъ. Безвозвратно улетѣла бурная, полная увлеченій молодость. Наступилъ и для нашего поколѣнія зрѣлый возрастъ, съ его разочарованіями, съ суровой отвѣтственностью за свою и чужую жизнь. Въ обществѣ чувствовался застой и какое-то нравственное томленіе. Прежняго подъема духа какъ не бывало.

Иныя птицы, иныя пѣсни. Не слышалось бравурнаго пѣнія шестидесятниковъ «Впередъ безъ страха и сомнѣнія», но зато на устахъ многихъ были стихи (кажется, Тхоржевскаго):

Съ каждой минутой все гуще,
Гуще проклятая тьма...
Господи! Какъ не задохнусь,
Какъ не сойду я съ ума!

Страшно изранено сердце
Ядомъ, ножами, огнемъ;
До смерти больно— не сыщешь
Мѣста живого на немъ!..
Хоть бы заплакать немного,—
Да не приходитъ слеза:
Высохли, выжжены горемъ
Бѣдные эти глаза!
Ахъ, этотъ мракъ ядовитый,
Какъ онъ могильно глубокъ.
Просто глаза проглядѣлъ я—
Свѣтитъ ли гдѣ огонекъ?
Нѣтъ ни мерцанія свѣта,
Тьма, ядовитая тьма...
Господи, какъ не задохнусь,
Какъ не сойду я съ ума!..

И грустныя пѣсни штундистовъ о смерти и тщетѣ мірской все чаще раздавались подъ музыкальный аккомпаниментъ въ кружкахъ новой молодежи.

Среди этого безвременья снова проявился у насъ Василій Ивановичъ.

— Спрашиваетъ васъ на кухнѣ какой-то Василій,—сказалъ моему мужу дворникъ.—Не то онъ кучеръ, не то странный человѣкъ. Въ поддевкѣ, а шапка какъ будто монашеская, и волосья длинные, а изъ сумки книжки торчатъ.

Это и былъ нашъ братъ Василій, исхудалый и постарѣвшій, но съ такими живыми и молодыми глазами... И все съ той же хорошей улыбкой, такъ привлекавшей къ нему людей...

За чаепитіемъ, до котораго Василій Ивановичъ всегда былъ большой охотникъ, начались у насъ задушевные разговоры.

— Неужели, Вася, ты все по монастырямъ бродилъ? Гдѣ же твоя семья, дѣти?—спрашивали его друзья.

Василій Ивановичъ какъ-то истерично всхлипнулъ.

— У меня нѣтъ больше семьи... Ну, да я вижу, что нужно по порядку разсказать вамъ все.

И началъ свой разсказъ:

— Я писалъ вамъ, что хорошо живу въ Самарской губерніи на своемъ хозяйствѣ, обрабатывая самъ свое поле. Въ чемъ не справлялся—сосѣди помогали, я съ ними дѣлился чѣмъ могъ и обучалъ ихъ ребятъ грамотѣ. Моя жена неутомимо помогала мнѣ, кормила и выхаживала нашихъ дѣтей.

«Такъ прожили мы три года, счастливые тѣмъ, что питаемся трудами рукъ своихъ.

«На четвертый годъ я съ весны заболѣлъ лихорадкой, и всѣ наши сбереженія ушли на то, чтобы принанять работника. Затѣмъ, въ самую осеннюю распутицу, дѣти заболѣли скарлатиной. У насъ

не было денегъ, чтобы послать за докторомъ, да и время стояло такое—ни на саняхъ, на ни колесахъ...

«Такъ и умерли два нашихъ мальчика безъ медицинской помощи, безъ надлежащаго ухода, какъ умираютъ тысячами крестьянскія дѣти.

«Когда заболѣлъ третій, къ намъ добралась Вѣра Грація (она фельдшерицей въ тѣхъ мѣстахъ) и выходила его отъ тяжкой болѣзни. Но мальчикъ сильно оглохъ, своихъ словъ не слышитъ, когда говоритъ.

«Вотъ тутъ-то и наступило у насъ полное разстройство. Лиза точно схоронила съ дѣтьми свою любовь ко мнѣ и къ нашему дѣлу. Она горько упрекала меня:

«— Это ты уморилъ дѣтей, ты уложилъ ихъ въ могилу! Захотѣлъ мужикомъ быть, не умѣя работать... Обманъ и заблужденіе всѣ твои идеи! Бѣдныя дѣтки поплатились за все... Не забыть мнѣ ихъ мученической кончины!

«Моя преданная, любящая Лиза возненавидѣла меня. Въ опустѣвшей избѣ мы жили, какъ враги, не смѣя вслухъ вспоминать о дѣтяхъ... Нашего глухого мальчика Вѣра Грація взяла къ себя, надѣясь правильнымъ уходомъ вылечить его глухоту. Вскорѣ и жена уѣхала отъ меня къ своимъ роднымъ. Я остался совсѣмъ одинъ.

«Я сталъ раздумывать о нашихъ неудачахъ и убѣдился, что мы гораздо слабѣе того мужика, которому хотѣли служить. Мужикъ увѣренъ въ вознагражденіи за гробомъ и легче насъ переноситъ удары судьбы. «Отъ Бога положено—однимъ работать, другимъ пановать», покорно говоритъ онъ. Правда, отмѣна крѣпостничества дала сильный толчокъ къ развитію личной воли мужика; но унаслѣдованная вѣра въ предопредѣленіе все еще крѣпка въ немъ. Умираетъ у крестьянки ребенокъ. Она утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ попадетъ въ рай, причисленъ будетъ къ лику ангеловъ. А сектантки поютъ, хороня дѣтей:

«Не узнаетъ никогда свѣтлый житель рая,
«Какъ слезами облита наша жизнь людская!»

«Но у моей Лизы уже не было крестьянской вѣры. Чѣмъ могъ я ее утѣшить, что предоставить ей въ нашей суровой жизни?—Общественное дѣло, скажутъ мнѣ... Но не для всѣхъ оно замѣняетъ личную жизнь. Большинство женщинъ осуществляетъ медленный міровой прогрессъ, отдаваясь всецѣло дѣтямъ; это задача, во имя которой онѣ живутъ и борются...

«Волнуемый такими мыслями, я рѣшился пойти въ монастырь, чтобы приглядѣться къ вѣрѣ народа, которому раньше думалъ навязать свою вѣру. Въ монастыряхъ еще сохранились древніе устои христіанской общины; въ нихъ идетъ народъ, измученный страхомъ жизни, отчаяніемъ, и въ нихъ обрѣтаетъ примиреніе и силу жить.

«Лично для меня уставы монастыря остались чуждыми. Я заимствовалъ изъ нихъ только трудъ: лѣтомъ убиралъ ароматные монастырскіе луга, а зимой тачалъ сапоги на братію. Сапожному ремеслу я обучился еще давно, и оно мнѣ нравится. Посмотрите, это моя работа».

И онъ показалъ намъ надѣтые на немъ сапоги—прочной и довольно неуклюжей работы. Затѣмъ продолжалъ:

— Моимъ учителемъ и примирителемъ съ жизнью былъ простой народъ—этотъ вѣчный приливъ и отливъ богомольцевъ, дававшій мнѣ богатый матеріалъ для наблюденія и возбудившій во мнѣ снова желаніе служить людямъ, угасшее было подъ тяжестью всякихъ сомнѣній.

«Пожалѣй меня, братъ мой!—говоритъ Сальваторъ въ одной изъ поэмъ Барбье.—Мое горе смертельно, ибо отечество перестало быть для меня прекраснымъ».

«А мое горе исцѣлилось, какъ только я убѣдился, что народъ нашъ хранитъ въ себѣ великія, неизсякаемыя силы... И я снова обрекъ себя на служеніе брату моему Лазарю, убогому и всесильному...

«Я надѣлъ свою кожаную самодѣльную сумку, наполнилъ ее книжками и отправился колесить по Россіи. Мнѣ хотѣлось хотя сколько-нибудь приблизить народъ къ вратамъ знанія, помочь ему протиснуться къ наукѣ... Трудное это дѣло, но я выполнялъ его по мѣрѣ силъ.

«А теперь... теперь я ѣду въ Венецію. Меня ждетъ тамъ моя невѣста. Барышня-аристократка, но съ дивнымъ, любящимъ сердцемъ. Пора и мнѣ взять отъ жизни свой кусочекъ счастья».

IV.

Василій Ивановичъ все-таки прожилъ у насъ нѣсколько недѣль, хотя и торопился въ Венецію. У него еще велись дѣла съ «арміей спасенія» Бутса и ему надо было дождаться пріѣзда въ Россію капитана арміи Райльтона, съ которымъ онъ и познакомилъ насъ.

Настроеніе у него было энергичное, дѣловитое, но онъ уже больше ничего не проповѣдывалъ.

Кровавымъ заревомъ пронеслась японская война. За нею—революція, съ побѣдными звуками марсельезы и скорбными воплями безчисленныхъ жертвъ.

За всѣ эти тревожные годы и наступившее за ними новое безвременье мы ничего не слыхали о нашемъ «Иванычѣ».

— Передѣлала его по-своему жена-аристократка, пропалъ онъ для всякаго живого дѣла!—говорили у насъ.—Она и вышла-то за него только потому, что разочаровалась найти жениха въ своей

средѣ—немолодая уже и безъ приданаго. А онъ полюбилъ ее всей душой и, конечно, хорошимъ вьючнымъ животнымъ для нея будетъ. Дадутъ ему мѣсто съ приличнымъ окладомъ, закрутятъ всякими свѣтскими мелочами, и будетъ онъ вмѣсто всякаго дѣла расписываться въ ежемѣсячномъ полученіи жалованья...

Недобрыя предсказанія эти какъ будто и подтвердились. Однажды мой мужъ, спускаясь по лѣстницѣ министерства, въ которомъ служилъ, неожиданно встрѣтилъ поднимающагося по этой же лѣстницѣ Василія Ивановича. Во фракѣ, въ жилетѣ съ бѣлымъ пластрономъ, онъ выглядѣлъ очень представительнымъ. Разговорились понемногу.

— А я иду къ министру, буду просить о субсидіи для училища, которымъ завѣдую,—объяснилъ Василій Ивановичъ.

— Ну, это напрасный трудъ! Нашъ принципалъ чрезвычайно скупъ на субсидіи...

— Нѣтъ, я увѣренъ въ успѣхѣ,—возразилъ онъ.—Моя жена приходится племянницей министру.

Со своей обычной прямотой онъ не скрылъ и шанса, обусловливавшаго его успѣхъ, какъ это сдѣлалъ бы любой изъ нашихъ современныхъ дипломатовъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Насъ посѣтилъ какъ-то одинъ почтенный педагогъ — изъ старыхъ друзей, — инспектировавшій именно тотъ учебный отдѣлъ, въ которомъ состоялъ Василій Ивановичъ. Мы спросили, какъ у послѣдняго идетъ работа.

— Да что я е, дай Богъ всякому такъ работать на старости лѣтъ, какъ нашъ «Иванычъ». Ученики видятъ въ немъ отца родного, и даже самые испорченные у него исправляются... А семейная жизнь у него образцовая: жена поступилась ради него многими аристократическими привычками, онъ ей тоже уступилъ кое въ чемъ и сумѣлъ поднять ее до себя. И теперь они такъ хорошо, такъ умѣло воспитываютъ своихъ дѣтей. Я всегда отдыхаю душой, когда попадаю къ нимъ.

Намъ пришлось убѣдиться, что нашъ мечтатель и проповѣдникъ, нашъ вѣчный скиталецъ братъ Василій нашелъ успокоеніе и счастье въ области «малыхъ дѣлъ», въ обученіи и воспитаніи «малыхъ сихъ...».

Екатерина Поливанова.